

Иван Агич и Василиса Васильевна

Жил-был старик со старухой; у них было три дочери. Случился набор большой, всех мужиков сплошь, без обхода: и старого и молодого; и пришлось старику в солдаты идти. Пришел старик вечерком домой, сидит да и горюет. «А вот, девки, кабы вы были робята, вы за меня бы хоть в солдаты пошли». Большая дочь и говорит: «Благослови меня, батюшка!» Он благословил: «Поезжай, как можешь!» Она села верхом да и поехала. Отец оборотился волком, забежал ей вперед да и бежит. Она увидала, что волк бежит, айда драла назад. Не то, что воевать — волка и то испугалась. Приехала домой, отец и спрашивает ее: «Что на службу не поехала?» — «И-и, тятенька, меня было волк съел!» Другая дочь говорит: «Давай, батюшка, я поеду!» — «Поезжай, — говорит, — коли можешь!» Она села и поехала. Он обернулся волком, забежал ей вперед, да и бежит. Она увидала, что волк бежит, айда драла назад. Приехала домой, отец и спрашивает ее: «Что на службу не поехала?» — «И-и, тятенька, меня было волк съел!» Малая дочь и говорит: «Я поеду, батюшка, а то где им!» — «Ладно, поезжай!» Села и поехала. Отец ей встречь опять волком забежал. Она волка увидела, прицелилась из ружья, хлоп в правый глаз прямо! Поехала на службу; определилась в полк и так служила, как надо. Любила она больно заморских голубей; у ней товарищ, тоже солдат был, Иван Агич, Ягой Бабе сын, а ее звали Василиса Васильевна. В полку она себя Василием Васильевичем звала. Жила она на квартире у Ягой Бабе; не мог ее никто узнать, что она девка, только Ягая Баба узнала. Мало ли, много ли служила, пришла ей отставка, отправилась домой. Довелось плыть ей через Волгу; распростились они с товарищем, Иваном Агичем. Перевез он ее через Волгу и так крепко жаль ему; а через Волгу место было узкое. Он смотрит на нее и низко ей кланяется и отвечает она ему: «Эх, Иван Агич, не умел красну девицу ловить!» Скинула платье-то по этих пор, да титьки-то ему и кажет. «Вот оне, — говорит, — где!»

Ягая Баба сыну и говорит: «Я говорила тебе, что девка». А она домой пошла, к батюшке своему. Все ей были рады: и отец, и все. Сбирается она с отцем на базар; отец и спрашивает: «Что тебе, доченька, купить?» — «А пойдём, нет ли заморских голубчиков?» А Иван-то Агич надел другую одежду, да троечку и поимал; носит да продает. Она увидала и говорит: «Тятенька, купи мне голубчиков!» Купили и домой привезли. Стали гулять; день гуляли

и два. Она двоих голубков накормила, а третьему-то не досталось. А он сидит, голодный-то, да воркует: «Вурку́, вурку́, Василиса Васильевна, унесу к Ивану Ягичу!» А двое сытых поют: «Урку, урку, Василиса Васильевна, не унесем к Ивану Ягичу!» На другой день одного только накормила, двоих голодных оставила. Двое воркуют: «Вурку, вурку, Василиса Васильевна, унесем к Ивану Ягичу!» А третий-то воркует: «Вурку, вурку, Василиса Васильевна, не унесу к Ивану Ягичу!» На третий день и остального не накормила. Они встали ночью, Взвились да и утащили ее туды. Хвать, проснулась — лежит у Ивана Ягича на перине, и крепко заплакала, что в нерусскую землю попала. Не пиво варить, не вино курить — за свадьбу. Стали жить да быть и друг дружку крепко любить. А Ягая Баба ее не любит и хочет ее извести: посылает ее коров доить, а у них коровы-то — медведи. «Поди же, б...ь, подой коров!» Она пришла к мужу, горько плачет. «Что ты, Василиса Васильевна, больно плачешь?» Она и говорит ему: «Ведь у вас коровы-то — медведи, съедят они меня! Матушка доить меня посылат». — «Возьми ты, жена, вёдры и поставь, а сама на лесину влезь, да и кричи: Буренушки, чернаушки, придите, подойте! Оне придут и сами подоятся». Она пошла в лес, поставила вёдры и влезла на лесину, кричит: «Буренушки, чернаушки, подойте!» Те прибежали и полны вёдры надоили; и опять в лес ушли. Она слезла с древа, взяла вёдры, домой пошла. Приносит домой. «На, мамынька, убери!» Ягая Баба и говорит: «Ах, пес! Это он научил». На утро гусям месить заставляет, а гуси-то были — змеи. Она горько плачет. Научает ее муж: «Замеси в корыте и кричи: Тиженьки, т́жиньки! А сама влезь на поветь. Они сами придут, нажрутся». Она так и сделала. Заставляет Ягая Баба курам замесить, а куры — ужи. Идет она к мужу, плачет. Тот ее научил. «Кричи, — говорит, — ти-ти, ти-ти! А сама на поветь залезь. Оне придут, нажрутся». Она так и сделала, пришла к Ягой Бабе, никто ее не съел.

От Ягой Бабы версты на три ее сестра жила, тоже Ягая Баба. И пишет она к сестре письмо, чтобы та съела молодку, как она за бёрдом придет. Призывает она сноху: «Ступай к моей сестре за бёрдом!» Она крепко заплакала и говорит мужу: «Прощай, я живая оттоль не приду!» Он говорит: «Не бойся ничего: я научу. Во-первых у двора там колодец будет тебя водой плескать — ты возьми крюк, да с молитвой наложь. К воротам подойдешь, не отворишь — возьми скоромного масла, подмажь ворота, они пропустят. Взойдешь ты в избу, будет тебя веник хлестать — ты его под порог с молитвой положи; есть у ней заморские коты, будут тебя сара́пать — ты ветчинки возьми, дай им по кусочку; есть у ней три дочери; будут тебя колоть деревянными иглами, а ты возьми дай им по железной».

Вот она пошла; подходит ко двору. Колодец плещет, не дает проходу. Она взяла крюк и с молитвой положила. Подошла к воротам — они не пускают; она их маслицем подмазала. Взошла в избу, стал ее веник хлестать — она его под порог с молитвой положила; стали ее заморские коты сарапать — она им по кусочку ветчинки дала; дочери стали деревянными иглами ее колоть — она им железных дала: оне и пустили. Как только Ягая Баба завидела ее, так в подол полезла зубы точить, а ей велела ткать. Дочери вместо ее и посадили за стан заморского кота; бердочко ей отдали и домой проводили. Ягая Баба точёт да приговариват: «Точёшь ли, точёшь ли, племянница?» А заморской кот ей отвечает: «Току, току, тетушка!» А она думат, что племянница точёт, а ин-то заморской кот. Вылезла и спрашиват: «Где племянница?» — «Ушла домой!» Начала Ягая Баба дочерей бить, зачем пúстили. Те говорят: «Мы век у тебя живем, деревянными иглами шьем, а она нам по железной дала. Накинулась Ягая Баба на котов. Те и говорят: «Мы век у тебя живем, и куска мяса не видали, а она нам ветчинки дала!» Накинулась на веник, а он ей и говорит: «Век у тебя зря валяюсь, а она меня с молитвой под порог положила». Подбежала к воротам, а те и говорят: «Век мы тебе служим, скрипим, ты на нас и водой не плеснула, а она пришла, маслицем подмазала». Набросилась Ягая Баба на колодец, а он ей говорит: «Как тебе служу, ничего от тебя не вижу, а она пришла, крюк с молитвой наложила». Ягая Баба и отступилась. Сноха принесла свекрови бёдро, ничем невредима. Крепко Ягая Баба на сына серчала, что он жену научает. «Не будем, матушка, — говорит сын, — жить с тобой!» Бросили ее ночью и убежали. Убежали не знай куды и топерь не знай где.

(Абрам Новопольцев)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.